

санной нами картины многоплеменной и многоязычной Албании можно было бы представить хотя бы пример Республики Дагестан наших дней: она называется Дагестан (Горная страна), но ни одна из населяющих ее более 30 больших и малых народностей не носит имя этой страны, хотя каждая из них имеет по несколько этнических названий. Эти народности говорят почти на 30 разных, хотя и родственных языках, причем некоторые из них издревле имели школы (преимущественно в религиозных целях), где преподавание велось на арабском языке.

Немалая часть добровольно или насильственно принявших мусульманскую религию мелких албанских племен с удивительной и завидной стойкостью сохранили свой язык и этническую самобытность и хотя бы небольшими общинами сохранились до наших дней. Племя же удинов, единственно сохранившее христианскую религию, еще до окончательного падения арабского владычества (ко второй пол. X века) раскололось в конфессиональном отношении: одна его часть вместе с армянами осталась верна монофизитскому вероисповеданию, а другая обратилась в грузинское халкедонитство. Последняя группа удинов уже в развитом средневековье довольно интенсивно теряло свою национальную принадлежность и в конце концов полностью слилась с грузинами (в Эрети-Камбечане). Можно предположить, что какой-то процесс деэтнизации мог происходить и среди той части удинов, которая сохранила "армянское" вероисповедание, пользовалась письменным армянским языком и подчинялась Албанскому католикосату с огромной этнически армянской паствой как на правом берегу Куры, так и на левобережье, куда отдельные группы армян переселялись из Утика, Арцаха и других провинций исторической Великой Армении. Тем не менее, весьма значительное их количество сохранило свой этнический облик до XVIII века, когда усилиями местного мелика (хана) Гаджи Челеби добровольно-насильственно было обращено в мусульманство почти 15 тысяч жителей в более чем 30 деревнях Шакийского ханства, которые постепенно утратили свой язык и перешли на лезгинский и тюркско-татарский. Исламизация нескольких удинских сёл отмечена и в конце XVIII или в начале XIX века. Во всех этих деревнях как безмолвные свидетели христианского прошлого их насельников остались руины